

Пожалуй, единственное, к чему Чжоу Бупо не был слишком придирчив, — это еда, которую готовил Лань Шань. В конце концов, его кулинарные навыки были не так уж плохи. Работая в одиночку столько лет, он перепробовал всё: был и подсобным рабочим на кухне, и официантом. Перед тем как потерять работу, он работал в ларьке с морепродуктами, так что, наблюдая и подражая, освоил пару приличных блюд. Но Чжоу Бупо каждый раз, когда ел, обязательно что-то комментировал: то слишком солёно, то слишком пресно, а потом съедал всё подчистую, словно благородный персидский кот, лениво помахивая хвостом на диване перед телевизором, ожидая, пока Лань Шань помоеет посуду и поднесёт фрукты.

Честно говоря, иногда за целый день Лань Шань чувствовал себя более уставшим, чем на обычной работе, но никогда не жаловался, каждый день трудился усердно. Хотя у Чжоу Бупо был странный нрав и Лань Шань его боялся, но для него, кроме родителей, Чжоу Бупо был первым, кто знал о его странной болезни и не считал его чудовищем, более того, был готов помочь и вылечить. В глубине души Лань Шань считал Чжоу Бупо своим благодетелем.

После периода притирки жизнь пошла спокойно. В это время Чжоу Бупо дал Лань Шаню маленький блокнот, попросив подробно записывать время ежемесячных циклов, количество крови и ощущения в это время, чтобы обеспечить доказательства для своей статьи. Лань Шань был честен и думал, что это для его лечения, поэтому в течение двух месяцев вёл записи очень подробно. Чжоу Бупо посмотрел и остался доволен.

Заметив, что Лань Шань во время месячных использует какую-то старую грубую бумагу, непонятно где добытую, и выглядящую очень негигиенично. Лань Шань каждый раз делал это тайком, использованную бумагу тут же бежал выбросить, боясь, что Чжоу Бупо увидит, сочтёт грязным и снова отчитает.

Но Чжоу Бупо в конце концов гинеколог, как же он мог допустить использование у себя под носом вещей, не прошедших государственную проверку. Как раз в этом месяце у Лань Шаня начались месячные. Видя, что этот деревенщина в последнее время вёл себя неплохо, Чжоу Бупо купил ему несколько упаковок гигиенических прокладок. Поверхностно — из доброты, на самом деле — не хотел, чтобы этот подопытный кролик заболел гинекологическим заболеванием и повлиял на прогресс его статьи.

— Что это?

Лань Шань держал прокладки, разглядывая их то слева, то справа. Чжоу Бупо смерил его взглядом:

— Гигиенические прокладки. Неужели ты даже этого не знаешь? Женщины во время месячных пользуются этим.

— Это для меня? Но... но ведь это женщины используют...

— Какая разница, мужик или женщина! Если снизу течёт кровь — надо пользоваться этим! А твои эти бумажки поскорее выкинь!

Лань Шань покраснел, думал, что хорошо скрыл это, а оказалось, большой демон всё заметил, тихо сказал:

— Но у нас на родине девочки тоже пользуются бумагой, она хорошо впитывает... Я же мужчина, можно ли мне не пользоваться этим?

— Нельзя! — Чжоу Бупо сказал строго, чувствуя, что деревенщина вздумал бунтовать. — Чем

вы пользуетесь в деревне — меня не волнует, я знаю только, что эта бумага негигиеничная! Если у тебя внизу заразишься бактериями, пострадает твоя болезнь! Я же врач, разве стал бы тебе вредить!

Услышав о своей болезни, Лань Шань мгновенно осмелел не стал, долго переминался, прежде чем сказать:

— Но я же не умею пользоваться этой вещью...

— Не ел свинину, но свиной видел, правда! В чём тут не уметь? Просто приклеить на попу и всё. В любом случае это удобнее, чем эти бумажки. Иди же и переоденься немедленно!

Кто знал, что Лань Шань, только войдя в туалет с прокладкой, вскоре издал душераздирающий вопль. Чжоу Бупо вздрогнул, подумав, что с ним случилось, рванул туда и выломал дверь.

— Что случилось?!

Чжоу Бупо присмотрелся: Лань Шань сидел на унитазе, держась за штаны, свернувшись в клубок, лицо выражало сильную боль, даже слёзы текли, он жалостливо смотрел на него:

— Ты... ты обманул! Эта вещь совершенно неудобна, до смерти больно! Я больше никогда не буду этим пользоваться!

— Больно? Как это возможно... Что ты наделал?!

— Очень больно! Я же сделал, как ты сказал, приклеил на попу... А потом стало очень неудобно, я и снял! А потом... и потом...

Чжоу Бупо широко раскрыл глаза, посмотрел на прокладку, упавшую на пол, сзади к ней прилипло несколько чёрных тонких волосков.

Боже мой, неужели он приклеил задом наперёд?

Представив эту яркую картину, Чжоу Бупо тут же не выдержал и расхохотался, потеряв всякий образ, смеялся наклонившись вперед и назад, чуть не задохнулся. Этот деревенщина — глупец?! Приклеил клейкую сторону к коже? Разве не будет больно, когда отрывать?

Лань Шань увидел, что он смеётся над ним, и от стыда и гнева закричал:

— Ты-ты-ты смеёшься ещё! Это же ты заставил меня пользоваться этой вещью!

— Ха-ха-ха~~ Не могу, не могу! Слишком смешно... Ха-ха-ха~~ — Чжоу Бупо смеялся до изнеможения, опираясь на дверь, держась за живот и махая рукой в его сторону. — ...Как... как же могут быть такие забавные люди... Ха-ха-ха~~ В первый раз в жизни встречаю... Умираю со смеху!

Я забавный? Лань Шань не понимал, что Чжоу Бупо имеет в виду, но с момента знакомства это был первый раз, когда он видел, как Чжоу Бупо смеётся так радостно. Когда встретил Чжоу Бупо в больнице, он чувствовал, что тот очень красив. Даже на прежней работе, где было столько посетителей каждый день, трудно было встретить такого красивого и изящного мужчину. Но такое хорошее лицо всегда было злым и свирепым, люди боялись приблизиться. Сейчас, когда он смеялся, он внезапно стал гораздо более доступным, и хотелось смотреть на него подольше.

С тех пор как приехал в город С, Чжоу Бупо тоже давно так не смеялся. Не насытившись, он остановился, подошёл к Лань Шаню, достал ещё одну прокладку, покачал головой и вздохнул:

— Глупец, в таком возрасте пора бы и мозгами пошевелить. Эта вещь не так используется.

Узнав правильный способ использования прокладки, Лань Шань был настолько смущён, что хотел провалиться сквозь землю. Стыдно до смерти, такой дурак, думал, что точно получит выговор, но, похоже, настроение у Чжоу Бупо было неплохим, он редко не злился, наоборот, мягким голосом научил его пользоваться. Лань Шань удивлённо широко раскрыл глаза и смотрел на него, зачарованный.

Белая кожа, безупречные черты лица, даже ресницы гуще, чем у обычных людей. Руки тоже чистые, по всему телу не было привычной леденящей злобы, лицо мягкое и спокойное. Лань Шань думал: странно, когда не злится, он красивее в сто раз, зачем Чжоу Бупо обязательно должен быть таким злым?

Совместная жизнь длилась уже почти три месяца. Хотя Лань Шань, ради достижения высоких стандартов гигиены, каждый день уставал до полусмерти, жизнь Чжоу Бупо можно было назвать очень комфортной.

Самое очевидное — он больше не должен был слушать ворчание почасовой уборщицы, которая всегда говорила, что Чжоу Бупо ищет соринку в яйце, и даже за двойную цену больше не будет с ним работать.

Не работает — не работает, кому она нужна. Даже если он ищет соринку в яйце — и что? Ведь кто-то же действительно находит их! Китайские тётушки слишком любят преувеличивать!

Чжоу Бупо сначала думал, что жить с деревенщиной будет очень трудно, но теперь, кажется, не так уж и плохо.

Хотя в его глазах Лань Шань был всё ещё старым и немодным, да и слабым и бесполезным, часто его презирали как никчёмного, но Лань Шань каждый день добросовестно трудился, словно каждое его слово считал священным указом, никогда не смел лениться ни на секунду. Это ощущение, словно он бог, тоже доставляло Чжоу Бупо огромное удовольствие.

Хотя он знал, что Лань Шань так честен и послушен только ради того, чтобы вылечить свою болезнь, совесть Чжоу Бупо не была беспокойной. Он обеспечивал его едой и жильём, давал деньги. Люди жадны до богатства. Такой деревенщина, как Лань Шань, когда ещё жил так достойно? Разве не правильно, что он им пользуется?

Для Чжоу Бупо Лань Шань был подопытным кроликом с атрибутами доброй феи, на котором можно экспериментировать по желанию, и который может служить игрушкой, вызывая смех и развлечение.

Он собирался использовать его до предела, а потом выгнать, не чувствуя ни малейшей вины.